

УДК 002.2(091)«19»
<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-3-5-15>

Основные направления историко-книжных исследований в зарубежном социогуманитарном знании в XX в.

С. В. Козлов

Козлов
Сергей Васильевич,

Государственная
публичная научно-
техническая
библиотека
Сибирского
отделения

Российской академии наук,
ул. Восход, 15, Новосибирск,
630102, Россия,
кандидат исторических наук,
доцент, старший научный сотрудник

ORCID: [0000-0002-6784-8992](https://orcid.org/0000-0002-6784-8992)

SPIN: [1767-9128](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=1767-9128)

e-mail: feld71@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие истории книги в западном (прежде всего европейском и североамериканском) научном пространстве XX в. Цель работы – проследить основные этапы формирования истории книги как междисциплинарной области знания, выделить ключевых исследователей и направления их работы. Показан переход от ранних форм библиографических исследований к созданию самостоятельной дисциплины, изучающей социальные, экономические и культурные аспекты производства, распространения и восприятия текстов. Актуальность работы обусловлена растущим интересом к междисциплинарным подходам в социогуманитарных науках, которые позволяют рассматривать книгу не только как текст, но и как культурный артефакт. Особое внимание уделено вкладу ключевых фигур, таких как Люсье Февр, Анри-Жан Мартен, Дональд Фрэнсис Маккензи, Роже Шартье и Роберт Дарnton, чьи идеи существенно повлияли на формирование междисциплинарных методов анализа книги как уникального культурного феномена. Анализируются также основные теоретические модели, объясняющие «жизненный цикл» книги: от ее создания и публикации до восприятия и сохранения. Отдельный акцент сделан на возникновении историко-книжных образовательных центров и научных обществ, сыгравших решающую роль в институционализации этой области знаний в 1980–1990-е гг. Практическое значение работы заключается в возможности применения полученных результатов в образовательных программах по истории книги, культурологии и библиотековедению, а также в обновлении теоретико-методологических подходов для дальнейших исследований в области изучения книжной культуры.

Ключевые слова: книга, история книги, печатная культура, библиография, коммуникативный цикл, читательские практики, социология текста, книговедение

Для цитирования: Козлов С. В. Основные направления историко-книжных исследований в зарубежном социогуманитарном знании в XX в. // Библиосфера. 2025. № 3. С. 5–15. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-3-5-15>

Main Directions of Historical Book Studies in Foreign Socio-Humanitarian Knowledge in the 20th Century

Sergey V. Kozlov

Kozlov Sergey Vasilyevich,
State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
15 Voskhod St., Novosibirsk,
630102, Russia,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior
Researcher

ORCID: [0000-0002-6784-8992](https://orcid.org/0000-0002-6784-8992)
SPIN: [1767-9128](https://orcid.org/1767-9128)
e-mail: feld71@mail.ru

Abstract. This article examines the emergence and development of book history within the Western (primarily European and North American) academic landscape of the 20th century. The study aims to trace the key stages in the formation of book history as an interdisciplinary field, identifying major scholars and their research directions. The author explores the transition from early bibliographic studies to the establishment of an independent discipline that investigates social, economic, and cultural dimensions of text production, dissemination, and reception. The relevance of this research is driven by the growing interest in interdisciplinary approaches within the social and human sciences, which allow the consideration of the book not only as a text but also as a cultural artifact. Special attention is given to the contributions of key figures such as Lucien Febvre, Henri-Jean Martin, Donald Francis McKenzie, Roger Chartier, and Robert Darnton, whose ideas significantly influenced the development of interdisciplinary methods for analyzing the book as a unique cultural phenomenon. The study also examines fundamental theoretical models that explain the “life cycle” of the book—from its creation and publication to its reception and preservation. A distinct focus is placed on the emergence of book history research centers and scholarly societies, which played a crucial role in the institutionalization of this field in the 1980s and 1990s. The practical significance of this work lies in its potential application to educational programs in book history, cultural studies, and library science, as well as in the refinement of theoretical and methodological approaches for further research in the study of book culture.

Keywords: book, book history, print culture, bibliography, communication cycle, reading practices, sociology of text, book studies

Received 19.03.2025

Revised 03.06.2025

Accepted 10.07.2025

Citation: Kozlov S. V. Main Directions of Historical Book Studies in Foreign Socio-Humanitarian Knowledge in the 20th Century. *Bibliosphere*. 2025. № 3. P. 5–15. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2025-3-5-15>

Введение

История книги как междисциплинарное научное направление начала активно развиваться в зарубежном, прежде всего европейском и североамериканском, социогуманитарном знании в 1980-х гг., хотя ее интеллектуальные истоки уходят в XIX в. и имеют еще более глубокие корни. Эта область изучает влияние производства, распространения и восприятия текстов во всех их материальных формах в разных обществах и исторических периодах. В 1990-х гг. в Европе и США появились образовательные программы и центры по изучению истории книги.

Вопросы, связанные с книгой, всегда были объектом внимания ученых, но современная история книги расширяет традиционные подходы и объединяет специалистов из множества областей: культурных и социальных историков, литературоведов, библиографов, филологов, лингвистов, антропологов, историков науки и искусства. Основная идея современных историко-книжных исследований заключается

в том, что текст – это не просто слова на бумаге, а результат коллективного человеческого взаимодействия.

История книги непосредственно пересекается с такими направлениями исследований, как интеллектуальная история, история цензуры, авторского права, издательского и библиотечного дела. Кроме того, она существенно влияет на понимание политических, экономических и культурных процессов, в том числе революционных движений, формирования научной мысли, эволюции верований, дипломатии и эмоциональной истории. Тем самым история книги оказывается не только способом проследить эволюцию материальных носителей текста, но и инструментом для более глубокого анализа социокультурных явлений.

К сожалению, работы зарубежных ученых почти не знакомы отечественным книговедам. Цель настоящей статьи – проследить основные этапы формирования истории книги как междисциплинарной области знания, выделить ключевых исследователей и направления их работы.

1. Историческая библиография как предыстория истории книги

Традиция изучения книг уходит корнями в эпоху Возрождения, когда коллекционеры, библиотекари и филологи начали каталогизировать, систематизировать и исследовать объекты письменно-печатной культуры, на протяжении веков накопленные церковью, государством и богатыми меценатами в виде роскошных коллекций рукописей и книг, чтобы лучше понять, что они могут рассказать о людях, их создавших, а также об их значении и о намерениях авторов (Finkelstein, McCleery, 2005, p. 8).

Распространение печатных книг, а также перераспределение старинных библиотек после распуска монастырей в Англии и религиозных войн в Европе привели к новому этапу коллекционирования рукописей и ранних печатных изданий. Уже в XVII в. появились руководства по сбору и организации книг. В 1627 г. во Франции Габриэль Наудэ, позже ставший библиотекарем кардинала Мазарини, в книге «Советы» предложил рекомендации по созданию отдельных тематических и авторских библиотечных каталогов.

В XVIII в. книга как предмет научного интереса вошла в сферу библиографии, понимавшейся тогда крайне широко. Расширительное толкование библиографии – то есть отождествление ее с целостной «наукой о книге» – сформировалось в трудах первых теоретиков библиографии эпохи Просвещения. В их число входят австрийский библиограф Михаэль Денис, опубликовавший в 1777 г. книгу «Введение в библиотечное дело» (*Einleitung in die Bücherkunde*), и французский ученый Жан-Франсуа Нэ де ла Рошель, ставший автором «Рассуждений о библиографической науке» (*Bibliographie instructive*). Они рассматривали библиографию фактически как всеобъемлющую книговедческую дисциплину.

В XVIII в. начались исследования истории книгопечатания. В 1745 г. Джозеф Эймс опубликовал каталог английских печатников, работавших с 1471 по 1600 г. Позже Дени Дидро и Жан д'Аламбер включили статьи о печати в свою «Энциклопедию». В начале XIX в. появились фундаментальные работы по истории печатного дела, включая «Историю печати в Америке» Исаии Томаса (1810) и «Типографское руководство» Джамбаттисты Бодони (1818) (Raven, 2018, p. 40–46). Во Франции XIX в. продолжилось формирование истории книги как самостоятельного сюжета исторических исследований. Именно во Франции появился и сам термин «история книги» (*histoire du livre*): впервые его ввел библиофил и издатель Эдмон Верде в названии своего вышедшего в 1861 г. фундаментального труда «История книги во Франции с древнейших

времен до 1789 г.» (Werdet, 1861). Позже появилось одно из первых всеобъемлющих исследований всемирной истории книги: французский филолог-эллинист Эмиль Эггер в книге «История книги от ее появления до наших дней» рассмотрел эволюцию книги от зарождения письменности до современности (Egger, 1880)¹.

Обращение отдельных ученых к сюжетам, связанным с историей книги как историко-культурным феноменом, носило спорадический, описательно-собирательный характер и не было институционализировано как самостоятельная дисциплина. Наука, строго говоря, начинается с институциализации. Нельзя говорить о появлении научного направления без формирования четкой методологии, профессионального сообщества, корпуса классических текстов и академических институтов. Только в конце XIX в. с развитием описательной или аналитической библиографии и текстологии началось систематическое изучение истории книги. Для этого периода было характерно стремление ученых реконструировать «правильные» версии литературных произведений, анализируя ошибки наборщиков, редакторские изменения и технические аспекты печати.

В первой половине XX в. сформировалось научное направление, получившее наименование «Новая библиография» (*New Bibliography*), целью которой было установление самых «аутентичных» версий текстов. Особо влиятельными его представителями были такие британские и американские ученые, как Рональд Маккерроу, Уолтер Грег и Фредсон Бауэрс. Своей задачей они считали разработку методологий, позволяющих установить наиболее полную и наименее искаженную версию авторского текста. Для этого исследователи анализировали разные редакции рукописей, изучали материальные аспекты оригинального текстового производства, рассматривая при этом книги как физические объекты (различие в типе бумаги, чернилах, методах печати и т. д.). В результате появился более строгий подход к изучению происхождения литературных произведений: библиография, по определению У. Грега, должна была стать «наукой о материальной

¹ Рамки статьи не позволяют рассмотреть немецкую традицию изучения книги, которая в XIX–XX вв. была тесно связана с библиотековедением (*Bibliothekswissenschaft*). Немецкие ученые рассматривают последнее как дисциплину, включающую также историко-книжные аспекты. Так, Фридрих Адольф Эберт – известный немецкий библиограф и библиотекарь – еще в 1820-х гг. определял библиографию как науку, изучающую письменные произведения всех времен и народов в совокупности, включая их внешние особенности. Тем самым Ф. А. Эберт фактически расширил предмет библиографии до истории книги в целом. Историко-книжные исследования Германии в XX в. развивались вне связей с развитием истории книги в англо- и франкоязычном научном пространстве. В связи с этим они должны стать предметом отдельной статьи.

передаче литературных документов» (Greg, 1914, p. 39). С публикацией «Введение в библиографию для литературоведов» Р. Маккерроу (McKerrow, 1927) и «Принципов библиографического описания» Ф. Бауэрса (Bowers, 1949) библиография оформилась как самостоятельная дисциплина с устоявшимися стандартами. К 1950-м гг. библиография, переосмысленная Р. Маккерроу, У. Грегом, Ф. Бауэрсом и другими учеными, заняла значимое место в англо-американских университетах, став обязательным элементом программы PhD на многих кафедрах английской литературы. Как отмечал Р. Дарнтон, аспирантов обучали «распознавать форматы, сопоставлять подписи, обнаруживать отмены, различать шрифты, отслеживать водяные знаки, анализировать иллюстрации и идентифицировать переплеты» (Darnton, 2003, p. 43).

Подходы новой библиографии оказали значительное влияние на текстологию, однако критиковались специалистами за излишний фокус на материальном аспекте и игнорирование социальной и культурной среды создания книги. В дальнейшем историко-книжные исследования расширились, охватив вопросы восприятия и распространения печатного слова. Значимый вклад в это внес работавший профессором библиографии и текстологической критики в Оксфордском университете новозеландский ученый Дональд Фрэнсис Маккензи, который в 1960-х гг. предложил концепцию *социологии текста*. До него исследователи предполагали, что процесс книгопечатания был рациональным и линейным, а ошибки печати – лишь случайными искажениями авторского замысла. Д. Ф. Маккензи же в своей важнейшей статье «Печатники разума» (McKenzie, 1969) оспорил этот взгляд. Изучая документы типографии Уильяма Бойера в Лондоне XVII–XVIII вв., он показал, что производство книг было хаотичным и непредсказуемым, а тексты создавались в условиях «одновременного производства» – когда множество рабочих одновременно трудились над несколькими проектами.

Позже Д. Ф. Маккензи развел свои идеи, указав, что тексты следует изучать не только как письменные документы, но и как социальные продукты, формируемые и воспринимаемые в различных контекстах. На понимание текста влияет его физическая форма (книга, рукопись, фильм, цифровой документ). Например, типографика, расположение слов на странице и иллюстрации могут играть важную роль в интерпретации. Ученый предлагал расширить традиционную библиографию и утверждал, что «библиография – это дисциплина, изучающая тексты как зафиксированные формы и процессы их передачи, включая их производство и восприятие <...> Понятие “тексты” позволяет

расширить существующую практику, включая в нее все формы текстов, а не только книги. <...> Оно также прямо признает, что библиографы должны учитывать влияние формы на смысл. Более того, оно позволяет нам описывать не только технические, но и социальные процессы их передачи» (McKenzie, 1999, p. 12–13).

Выдающийся вклад Д. Ф. Маккензи в формирование истории книги как междисциплинарного научного направления заключается в его стремлении расширить границы изучения текстов за пределы традиционных академических дисциплин. Он осуждал литературную критику за игнорирование контекста, в котором создаются и воспринимаются тексты, библиографию – за недостаточное внимание к социальным условиям книгоиздания, а историков – за недооценку процессов распространения и потребления книг. Наиболее значимым стало его эссе «Типографика и значение: Дело Уильяма Конгрива» (McKenzie, 1981), в котором ученый связал историю книги с методами французской школы анналов. Он утверждал, что книги следует рассматривать не только как результат авторского замысла или объект макроисторических исследований, но и как продукт множества экономических, социальных, эстетических и литературных факторов.

Д. Ф. Маккензи указывал на необходимость использования новых методов, которые бы учитывали визуальные, материальные и контекстуальные аспекты бытования текстов в культуре. «Современные теории текстологической критики, какими бы безразличными они ни были к истории книги, ее архитектуре и визуальному языку книгопечатания, совершенно неадекватны для решения таких проблем, – писал он. – Только новая и всеобъемлющая социология текста может охватить их» (McKenzie, 1981, p. 236). В результате его работы история книги начала обретать междисциплинарный характер, связывая филологию, библиографию и социальную историю.

2. Становление истории книги как самостоятельной дисциплины

Д. Ф. Маккензи сыграл ключевую роль в том, что англо-американские исследователи обратили внимание на масштабную трансформацию подходов к интерпретации текстов, инициированную французской школой «Анналов», чьи представители с конца 1950-х гг. применяли количественные методы социальной истории для анализа процессов создания и восприятия текстов. В 1976 г. на английском языке под заглавием *The coming of the book: the impact of printing, 1450–1800* (Febvre, Martin, 1976) вышло фундаментальное исследование

о происхождении и развитии печатной книги в Европе, авторами которой были сооснователь школы «Анналов» Люсьен Февр и библиограф Анри-Жан Мартен и которое было впервые опубликовано на французском языке под заглавием *L'Apparition du livre* в 1958 г. (Febvre, Martin, 1958).

Публикация труда Л. Февра и А.-Ж. Мартена фактически ознаменовала рождение французской научной школы *Histoire du Livre* («история книги») и оказала значительное влияние на формирование истории книги как самостоятельной научной дисциплины. В своей работе французские ученые впервые предложили рассматривать книгу не только как материальный объект или текст, но и как явление, тесно связанное с обществом, экономикой и политикой. Их подход имел целью «установить, как и почему печатная книга стала не только триумфом технической изобретательности, но и одним из самых мощных средств, имеющихся в распоряжении западной цивилизации, для объединения разрозненных идей выдающихся мыслителей. Она оказала жизненно важную услугу научным исследованиям, немедленно передавая результаты от одного исследователя к другому; и быстро и удобно, без больших усилий и непомерных затрат, она постоянно собирала работы самых выдающихся творческих личностей во всех областях» (Febvre, Martin, 1976, р. 10). Их методы кардинально отличались от методов традиционной библиографии, ориентированной на описание и классификацию изданий. Вместо этого Л. Февр и А.-Ж. Мартен сделали акцент на том, как книги создавались, распространялись, воспринимались читателями и каким образом печатные издания влияли на развитие цивилизации.

Одним из ключевых моментов исследования Л. Февра и А.-Ж. Мартена стало осмысление изобретения печатного станка Гутенберга не как внезапного революционного события, а как части более сложного и постепенного процесса изменений в культуре. Они показали, что книгопечатание не уничтожило сразу рукописную традицию, а долгое время сосуществовало с ней. Более того, Л. Февр и А.-Ж. Мартен проанализировали, какие экономические, технологические и социальные условия были необходимы для успешного распространения печатной продукции. Они обратили внимание на роль книготорговцев, типографий и издателей, а также исследовали механизмы финансирования печати, ценообразование и влияние государства на книжный рынок.

Большое внимание в работе уделено вопросам расширения читательской аудитории. Авторы показали, как этому способствовало распространение печати, поскольку книга стала доступной не только для элиты, но и для более широких слоев населения: «Элитарное общество

уступило место массовому. Печатное дело неизбежно оказалось вовлечено в дальнейшую глубокую трансформацию. Появились новые потребности и новая клиентура <...> Постепенно машина заняла свое место в том, что вскоре стало книжной индустрией» (Febvre, Martin, 1976, р. 11–12). Французские ученые также подчеркивали, что грамотность не распространялась автоматически с появлением печатных текстов. Этому способствовали иные факторы, включая образовательные реформы, развитие религиозных движений и изменения в социальной структуре. Они подробно проанализировали влияние книгопечатания на развитие науки, религии и политической мысли, уделяя особое внимание тому, как новые печатные технологии использовались в качестве инструмента власти, пропаганды и цензуры.

Работа Л. Февра и А.-Ж. Мартена стала первой крупной попыткой рассмотреть историю книги в рамках более широкой концепции истории идей. Они связали развитие книгопечатания с процессами модернизации европейского общества, показав, что книга была не просто средством передачи информации, а активным участником исторических изменений. Французские ученые заложили основу для современной социальной истории книги, превратив ее из узко библиографической дисциплины в широкое культурное исследование. Их подход открыл новые возможности для изучения связи между книгой, обществом, экономикой и властью.

Хотя «Появление книги» подвергалось критике за европоцентризм и избыточный технологический детерминизм, оно стало основополагающим трудом, оказавшим влияние на последующие поколения историков книги и продолжающим определять направление исследований в этой области. К сожалению, эта работа долгое время оставалась неизвестной отечественным книговедам. Лишь совсем недавно она начала привлекать к себе внимание ученых (Мутьев, 2023; Овсянникова, 2024).

Подход Л. Февра и А.-Ж. Мартена, увязывавший историю книги с социальной и культурной историей, заложил основу для продолжения исследований. Дальнейшее развитие он получил в работах Роже Шартье, усилия которого привели к становлению новой дисциплины – *истории чтения*. Ее возникновение принято связывать с выходом в свет фундаментальной четырехтомной «Истории французского книгоиздания», редактором которой он был вместе с А.-Ж. Мартеном (Histoire..., 1983–1986). Окончательно утвердили появление нового направления последовавшие за ней сборники статей на ту же тему, которые редактировал Р. Шартье. В частности, один из важнейших трудов «История чтения в западном мире» (в русском

переводе – «История чтения в западном мире от Античности до наших дней») Р. Шартье редактировал совместно с Г. Кавалло (*История чтения..., 2008*).

Важный вклад в формирование истории книги как самостоятельного исследовательского направления внес американский историк Роберт Дарнтон, чьи работы преимущественно были посвящены Франции XVIII в., что обусловило его тесное сотрудничество с французскими коллегами. В опубликованном в 1982 г. эссе «Что такое история книги?» ученый привлек внимание к разнообразию методов и направлений, с которыми сталкивались исследователи, изучающие бытование книги в культуре. Он отмечал, что в этой сфере пересекается множество дисциплин, в результате предметное поле «больше похоже на тропический лес, чем на отдельную область: аналитическая библиография указывает в одном направлении, социология знания – в другом, в то время как история, английская литература и сравнительное литературоведение пересекаются между собой...» (*Darnton, 1982, p. 66*). Это создавало сложности для исследователей, вынужденных разбираться в различных методологиях.

Чтобы систематизировать этот процесс, Р. Дарнтон предложил концепцию «коммуникативного цикла», в котором книга проходит через ряд звеньев: «от автора к издателю (если эту роль не берет на себя книготорговец), типографу, перевозчику, книготорговцу и читателю» (*Darnton 1982, p. 67*). Эта модель позволяла, например, учитывать влияние читателей на создание текстов и роль книготорговцев в издательских решениях (*Березняков, Козлов, 2023*).

Хотя предложенная Р. Дарнтоном схема и опиралась на коммуникационные модели, ее задача заключалась в том, чтобы представить производство текстов как «многоаспектное предприятие, охватывающее социальные, экономические, политические и интеллектуальные условия». Исследователь подчеркивал, что «книги входят в коммуникационные циклы, которые функционируют по определенным закономерностям, какими бы сложными они ни были», и что «историки могут показать, что книги не просто рассказывают историю — они ее создают» (*Darnton 1982, p. 81*).

Р. Дарнтон осознавал, что его модель не универсальна. Она была разработана на основе реалий европейского книжного производства XVIII в., включая такие явления, как подпольное распространение запрещенных книг (*Darnton, 2007*). Некоторые ее аспекты не подходили для анализа допечатной рукописной культуры или взаимодействия устной и письменной традиций. Однако эта концепция способствовала объединению различных направлений истории

книги и оказалась востребованной в дальнейших исследованиях.

Отцами-основателями истории книги в западных научных и популярных публикациях признают А.-Ж. Мартена, и Р. Дарнтона. Если первому приоритет отдают в академических и франкоязычных контекстах (*Chartier, 2007*), то второй чаще упоминается в англоязычном публичном дискурсе (*Bell, 2005*). Можно, таким образом, констатировать, что история книги как академическая дисциплина в некотором смысле имела двух отцов-основателей, каждого по разные стороны Атлантики. Если А.-Ж. Мартен сформировал французскую академическую традицию истории книги, определив границы предметной области и подготовив поколения исследователей, то Р. Дарнтон стал интеллектуальным лидером формирующейся дисциплины и способствовал ее интернационализации и концептуализации, предложив фундаментальную теоретическую концепцию, которая стала определяющей для всей дисциплины, задав исследовательскую программу и концептуальные рамки истории книги как междисциплинарного направления. Наследие обоих ученых окончательно закрепило историю книги как полноценное направление в социогуманитарных исследованиях.

3. Институционализация истории книги и дальнейшее развитие историко-книжных исследований в 1980–1990-е гг.

В 1980–1990-е гг. история книги в западной науке превратилась из узкой исследовательской области в полноценную академическую дисциплину. Ученые стали рассматривать книгу не только как текст, но и как материальный и культурный артефакт, объединяя методы библиографии, литературоведения и социальной истории. Появление университетских программ, исследовательских центров, научных обществ и специализированных журналов закрепило статус истории книги как междисциплинарного направления.

К концу ХХ в. западные университеты начали предлагать специализированные курсы и степени по истории книги и истории печатной культуры. В начале 1980-х гг. обучение в этой области в основном велось в школах библиотечного дела и через специальные институты. Например, в 1983 г. в Колумбийском университете была основана *Rare Book School* (Школа редкой книги), предлагавшая курсы по истории книги и библиографии (в 1992 г. она была переведена в Университет Вирджинии). Подобные программы предоставляли профессиональную подготовку по изучению и сохранению редких

книг, что отражало растущий академический интерес к книге как физическому объекту.

Со временем университеты начали разрабатывать полноценные учебные программы. В 1995 г. Университет Лондона запустил первую в мире магистерскую программу по истории книги (*MA/MRes in History of the Book*), привлекая студентов со всего мира. Этот шаг стал важным признанием дисциплины. В течение следующих лет другие университеты в Великобритании и Северной Америке включили историю книги или историю печатной культуры в свои программы, часто в рамках междисциплинарных центров или совместных проектов между кафедрами литературы, истории и информационных наук.

Также в 1995 г. был основан Центр истории книги при Эдинбургском университете, который стал международным центром исследований и подготовки специалистов в области материальной культуры текста. Во Франции автономных магистерских программ по истории книги было меньше, однако ведущие исследовательские институты, например Высшая школа социальных наук (*École des Hautes Études en Sciences Sociales, EHESS*), включали *Histoire du Livre* в курсы по истории и литературе, часто под руководством таких ученых, как Роже Шартье.

Помимо учебных программ, в 1980–1990-х гг. активно развивались исследовательские центры и крупные научные проекты по истории книги. В США в 1980-е гг. важной площадкой для исследовательских инициатив в этой области стал Центр книги (*Center for the Book*), созданный Библиотекой Конгресса в 1977 г. В 1983 г. Американское антикварное общество (*American Antiquarian Society*) запустило программу по истории книги в американской культуре (*Program in the History of the Book in American Culture*), спонсируя семинары и публикации по истории печатной культуры в США.

Во Франции в 1982–1986 гг. под руководством А.-Ж. Мартена и Р. Шартье вышла фундаментальная четырехтомная серия *Histoire de l'édition française* («История французского книгоиздания»), ставшая образцом национальной истории книги. Под влиянием этого проекта в Великобритании и США началась работа над аналогичными сериями, такими как *Cambridge History of the Book in Britain* (издавалась с 1999 г.) и *History of the Book in America* (с конца 1990-х гг.). Подобные коллективные проекты не только способствовали выпуску справочных изданий, но и закрепили историю книги как научную дисциплину, обеспечив финансирование, создание исследовательских сетей и признание в академической среде.

Важной вехой в институционализации дисциплины стала организация в 1992 г. Общества по изучению истории авторства, чтения

и издательской деятельности (*Society for the History of Authorship, Reading and Publishing, SHARP*). SHARP быстро стал ведущим научным обществом по истории книги, проводя ежегодные конференции (первая состоялась в 1993 г.) и объединяя исследователей со всего мира.

Институционализация истории книги как академической дисциплины сказалась на интенсификации историко-книжных исследований. С момента появления модели Р. Дарнтона как инструмента для анализа роли текста в обществе историки книги сосредотачивают свое внимание на процессах, которые американский литературовед и историк книги Джером МакГанн обозначил как «социализация текста». Под ней он понимает процесс, в котором текст формируется, интерпретируется и изменяется через социальные, материальные и институциональные механизмы. Он объясняет, что литературные произведения никогда не находятся в изоляции, а всегда обусловлены их историческими контекстами, процессами редактирования, публикации, критики и чтения. Социализация текста означает не просто его существование в обществе, а активное участие в динамике социальных и материальных процессов, которые определяют его смысл и влияние. Сами тексты – это не статичные артефакты, а динамичные процессы, непрерывно формирующиеся и изменяющиеся. Они зависят от читателей, издателей, критиков и даже технологии их распространения (McGann, 1991). Развивая эту мысль, американский исследователь Пол Дугид подчеркивал, что публикация должна рассматриваться не только как создание текста, но и как «процесс превращения текста в публичный артефакт и его включение в определенный социальный цикл» (Duguid, 1996, р. 81).

Концепция «социализации текста» Дж. МакГанна стала важным импульсом в развитии истории книги, дополнив идею «социологии текста» Д. Ф. Маккензи. Этот подход подчеркивал отличие исследований историков книги от традиционных литературных и исторических методов, делая акцент на взаимодействии текста, его материального воплощения и социальных процессов.

В 1993 г. британские библиографы Томас Р. Адамс и Николас Баркер предложили альтернативную модель анализа коммуникативного цикла книг. В отличие от Р. Дарнтона, который сосредоточился на движении книги через агентов книжной коммуникации, Т. Р. Адамс и Н. Баркер акцентировали внимание на библиографическом анализе. Они рассматривали не только процесс передачи книги от одного участника цикла к другому, но и ее долговечность, сохранение и трансформацию во времени.

В их модели большое значение приобрели дополнительные факторы, определяющие судьбу книги. Они выделили четыре ключевые зоны

влияния: интеллектуальные воздействия, включающие научные и культурные идеи, которые формируют текст; политические, юридические и религиозные факторы, такие как цензура, законодательные ограничения и идеологические установки; коммерческое давление, связанное с экономическими реалиями издательского процесса; а также социальное поведение и вкусы, отражающие изменения в читательских предпочтениях.

Кроме того, они структурировали историю книги, выделив «пять событий в жизни книги – публикация, производство, распространение, восприятие и сохранение, – последовательность которых формирует систему коммуникации и, в свою очередь, может инициировать другие циклы» (Adams, Barker, 1993, p. 15). Ученые привлекли внимание исследователей книги к таким важным аспектам ее социального бытования, как сохранение книг в архивах и библиотеках (книга продолжает существовать и после первичного распространения) и вторичный книжный рынок (антиквариат, переиздания, пиратство), который обеспечивает книге долгую жизнь, особенно если она не переиздается.

Этот подход позволил глубже понять не только сам процесс создания и распространения книг, но и их последующую судьбу в обществе. Таким образом, модель Т. Р. Адамса и Н. Баркера расширила концепцию Р. Дарнтона, уделяя больше внимания как процессу коммуникации, так и жизненному циклу книги как материального артефакта. Их подход помог осознать, как книги продолжают существовать и влиять на общество даже спустя долгое время после их публикации.

В 1980–1990-е гг. важным компонентом истории книги становится изучение *печатной культуры* (*print culture*). Концепт «печатная культура» обязан своим появлением в зарубежных историко-книжных и медиаисследованиях канадскому теоретику медиа Герберту Маршалу Маклюэну, который ввел его в вышедшей в 1962 г. работе «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» (*The Gutenberg Galaxy: Making of a Typographic Man*). Маклюэн интерпретировал печатную культуру как фазу в истории медиа, определяющую способы восприятия мира и структуру мышления. С точки зрения исследователя, печатная культура формирует визуальное восприятие информации, способствуя развитию логического и линейного мышления. Г. М. Маклюэн утверждал, что печатное слово изменило способы организации знания и стало основой западной цивилизации (McLuhan, 1962).

На рубеже 1970–1980-х гг. идеи Г. М. Маклюэна получили развитие в работах историка культуры Элизабет Эйзенстайн и медиаэколога

Уолтера Онга. Э. Эйзенстайн в фундаментальном труде «Печатный станок как агент перемен» представила критический взгляд на идеи Г. М. Маклюэна. Она рассматривала печатную культуру как технологический сдвиг, позволивший массово распространять стандартизованные знания. В отличие от Г. М. Маклюэна, Э. Эйзенстайн сосредоточилась на социально-исторических последствиях книгопечатания, подчеркивая его роль в развитии науки (Eisenstein, 1979). В работах У. Онга, напротив, идеи Г. М. Маклюэна получили свое дальнейшее развитие. У. Онг проанализировал переход от устной к письменной культуре, подчеркивая, что печатное слово не только зафиксировало знания, но и изменило когнитивные процессы. Ученый видел в печатной культуре среду, которая породила научное мышление и идеи авторства (Ong, 1982).

Благодаря работам Г. М. Маклюэна, Э. Эйзенстайн, У. Онга и др. к концу XX в. концепт «печатная культура» получает признание в теории медиа и исторических исследованиях. Ученые различных научных направлений по-разному концептуализируют это понятие. Но общим для всех подходов является то, что во всех используемых интерпретациях «печать» выступает как основа «культуры». Дискурс печатной культуры сосредоточен вокруг роли произведенной типографским способом книги, порождающей печатную культуру, и влияния ее на культуру и общество. Более подробно история возникновения понятия «печатная культура» в зарубежных историко-книжных и медиаисследованиях была представлена в нашей статье (Козлов, 2024).

Еще одним ключевым направлением в историко-книжных исследованиях в конце XX в. становится история *чтения и читателей*. Ученые, работающие в этой области, сместили фокус с авторов и издателей на взаимодействие читателей с текстами. Значительный вклад в формирование этого направления внес Р. Дарnton, предложив историзировать читательские практики и изучать их через архивные источники: аукционные каталоги, нотариальные записи, подписьные списки, библиотечные реестры, письма и дневники. Он подчеркивал, что понимание чтения требует анализа не только того, кто и что читал, но и как книги воспринимались разными аудиториями в разные периоды (Darnton, 1986).

Эти идеи развил Р. Шартье, акцентируя внимание на материальной форме книги и ее влиянии на интерпретацию текста. Р. Шартье рассматривает чтение не как индивидуальный акт, а как социально и исторически обусловленный процесс. Читатели разных эпох понимали и толковали тексты по-разному в зависимости от уровня грамотности, доступности книг и культурных традиций. При этом материальная

форма текста влияет на его восприятие. «Форма сама по себе производит содержание, и текст, меняя носитель, на котором он предлагается читателю, приобретает новый смысл и новый статус» (Кавалло, Шартье, 2008, с. 10). Это происходит потому, что формат (свиток, книга, кассета, электронный носитель) определяет способы взаимодействия с текстом, формирует читательскую реакцию и характеристики аудитории. Например, чтение вслух в Средние века отличалось от молчаливого, индивидуального чтения, ставшего распространенным после появления печатного станка.

Ученый уделяет значительное внимание изменению практик чтения, указывая, что исторически существовали разные модели чтения: интенсивное (многократное перечитывание небольшого числа текстов, типичное для Средневековья) и экспансивное (разнообразное чтение множества текстов, характерное для Нового времени). Это изменение было связано с ростом доступности книг и трансформацией культурных норм. Важный вывод, к которому приходит Р. Шартье, состоит в том, что чтение всегда выступает как интерпретация. Читатель не просто пассивно воспринимает текст, но конструирует смысл в зависимости от своего социального опыта, образования и культурного контекста. «Изначально в тексте не заложен какой-то один вариант его прочтения. Текст дан без учета возможной разницы между смыслом, который заложили в него его авторы, издатели, критики или традиция, и тем, как им будут пользоваться и как его будут интерпретировать его будущие читатели <...> Текст существует лишь постольку, поскольку существует читатель, способный придать ему смысл» (Кавалло, Шартье, 2008, с. 9). Таким образом, один и тот же текст мог по-разному восприниматься крестьянами, монахами или городскими интеллектуалами.

Важный вклад в изучение массового читателя внес Джонатан Роуз, сосредоточившись на *истории чтения снизу*. Он исследовал, что и как читали не только интеллектуальные элиты, но и рабочие, женщины, представители низших социальных слоев. Его подход показал, что чтение было не только индивидуальным, но и коллективным актом, а книги могли использоваться для формирования политических и социальных идентичностей (Rose, 1992).

Таким образом, благодаря Р. Дарнтону, Р. Шартье и Дж. Роузу изучение чтения стало неотъемлемой частью истории книги, позволяя анализировать, как книги воспринимались разными слоями общества и какие социальные процессы формировали читательские практики.

Объем статьи не позволяет охватить все направления изучения истории книги, которые сформировались в западном социогуманитарном знании в конце XX в. Такие концепции,

как «поле литературы» Пьера Бурдье, акторно-сетевая теория Бруно Латура и Джона Лоу, графосфера Саймона Франклина и др., будут рассмотрены нами в дальнейшем.

Заключение

Таким образом, к концу XX в. история книги оформилась в зарубежном социогуманитарном знании в междисциплинарное научное направление, объединившее библиографические, литературovedческие и социально-исторические подходы. На базе классической аналитической библиографии, расширенной концепциями «социологии текста» и «социализации текста», исследователи смогли посмотреть на книгу как на сложный культурный артефакт, формируемый коллективными усилиями авторов, издателей, читателей и других участников книжной коммуникации. Работы Д. Ф. Маккензи, Р. Шартье и Р. Дарнтона способствовали осмыслению книги не только как объекта текстологии, но и как медиума, который отражает и трансформирует социальные и культурные практики.

Ведущую роль в институционализации этой дисциплины сыграли появление научных обществ (таких как SHARP) и открытие университетских программ и исследовательских центров в Европе и США, где история книги стала преподаваться наравне с другими гуманитарными науками. В результате сформировался комплексный подход к изучению книг и чтения, включающий анализ материальной формы изданий, их производства, распространения, восприятия читателями и сохранения. Это позволило расширить границы традиционной библиографии, установить тесную связь истории книги с историей идей и увидеть в тексте не только отражение, но и двигатель социокультурных процессов.

Отечественные книговеды недостаточно хорошо знакомы как с теоретико-методологическими, так и с историко-аналитическими результатами работы зарубежных историков книги. В российском социогуманитарном знании концепции социализации текста, коммуникативного цикла и прочие пока лишь начинают использоваться, хотя некоторые российские исследователи демонстрируют интерес к зарубежным теоретическим моделям и постепенно переходят к более комплексному анализу книги и чтения как культурного феномена, рассматривая издательский процесс, читательские практики и социальные аспекты бытования текста (Козлов, Лизунова, 2024; Рейтблат, 1991; Эльяшевич, Мутьев, 2021). Опыт истории книги за рубежом в XX в. показывает, насколько важен междисциплинарный взгляд, позволяющий прояснить роль книжной культуры в формировании

обществ, национальных идентичностей и глобальных интеллектуальных тенденций. Продолжающиеся исследования в этой сфере открывают новые перспективы для анализа самых разных явлений: от технологических изменений в издательской сфере до трансформации читательских практик и восприятия текста в цифровую эпоху.

*Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ
СО РАН, проект «Трансформация книжной
культуры в социальных коммуникациях XIX–
XXI вв.», № 122041100088-9*

*Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.
The author has read and approved
the final manuscript.*

Конфликт интересов
*Автор заявляет об отсутствии конфликтов
интересов, требующих раскрытия
в этой статье.*

Conflict of interest
*The author declares no conflict of interest
related to this article.*

Список источников / References

Березняков Д. В., Козлов С. В. Переоткрывая классику: модель коммуникативного цикла Роберта Дарнтона // Научные и технические библиотеки. 2023. № 11. С. 121–140 [Bereznyakov DV and Kozlov SV (2023) Rediscovering classic: Robert Darnton's communications circuit. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 11: 121–140. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2023-11-121-140>

История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост.: Г. Кавалло, Р. Шартье. Москва : ФАИР, 2008. 544 с. [Cavallo G and Chartier R (eds) (2008) A history of reading in the West from Antiquity to the present day. Moscow: FAIR. (In Russ.)].

Кавалло Г., Шартье Р. Введение // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. Москва, 2008. С. 9–52 [Cavallo G and Chartier R (2008) Introduction. *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dnei*. Moscow, pp. 9–52. (In Russ.)].

Козлов С. В. Печатная культура: основные подходы в историко-книжных и медиаисследованиях // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 3. С. 126–131 [Kozlov SV (2024) Print culture: major approaches in history of the book and media studies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 3: 126–131. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2024-3-126-131>

Козлов С. В., Лизунова И. В. О медиалогическом понимании концепта «книжная культура» // Библиосфера. 2024. № 1. С. 65–75 [Kozlov SV and Lizunova IV (2024) On the medialogical understanding of the concept “book culture”. *Bibliosfera* 1: 65–75. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2024-1-65-75>

Мутьев В. А. Книговедение и история книги: современные исследовательские подходы : учеб.-метод. пособие. Санкт-Петербург : СПбГИК, 2023. 39 с. [Mutiev VA (2023) Book studies and history of the book: modern research approaches: a study guide. Saint Petersburg: SPbGIK. (In Russ.)].

Овсянникова Л. А. «Появление книги» Л. Февра и А.-Ж. Мартина: французская историко-книжная школа в XX – начале XXI в. // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 1. С. 27–39 [Ovsyannikova LA (2024) “The coming of the book” by L. Febvre and H.-J. Martin: the French book history school in the 20th – early 21st centuries. *Kniga. Chtenie. Mediasreda* 2 (1): 27–39. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/BRM-2-1-3>

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. Москва : МПИ, 1991. 223 с. [Reitblat AI (1991) From Bova to Balmont. Essays on the history of reading in Russia in the second half of the 19th century. Moscow: MPI. (In Russ.)].

Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53 [Elyashevich DA and Mutiev VA (2021) New book studies: a look into the future. *Bibliosfera* 1: 43–53. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-1-43-53>

Adams TR and Barker N (1993) A new model for the study of the book. *A potencie of life: books in society: the Clark lectures*, 1986–1987. London, pp. 5–43.

Bell DA (2005) The bookless future. *The New Republic*: [magazine website]. May 2. URL: <https://newrepublic.com/article/73462/the-bookless-future> (accessed 24.05.2025).

Bowers F (1949) Principles of bibliographical description. Princeton: Princeton Univ. Press.

Chartier R (2007) Henri-Jean Martin ou l'invention d'une discipline. *Bibliothèque de l'école des chartes* 165 (2): 313–328. DOI: <https://doi.org/10.3406/bec.2007.463537>

Darnton R (1982) What is the history of books? *Daedalus* 111 (3): 65–83.

Darnton R (1986) First steps toward a history of reading. *Australian Journal of French Studies* 23 (1): 5–30. DOI: <https://doi.org/10.3828/ajfs.1986.2>

Darnton R (2003) The heresies of bibliography. *The New York Review of Books* 50 (9). URL: <https://www.nybooks.com/articles/2003/05/29/the-heresies-of-bibliography> (accessed 24.05.2025).

- Darnton R (2007) “What is the history of books?” revisited. *Modern Intellectual History* 4 (3): 495–508. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1479244307001370>
- Duguid P (1996) Material matters: aspects of the past and futurology of the book. *The future of the book*. Berkeley, pp. 63–102.
- Eisenstein E. The printing press as an agent of change: communications and cultural transformations in early modern Europe: in 2 vols. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.
- Egger É (1880) *Histoire du livre depuis ses origines jusqu'à nos jours*. Paris: J. Hetzel et cie.
- Febvre L and Martin H-J (1958) *L'apparition du livre*. Paris: Albin Michel.
- Febvre L and Martin H-J (1976) *The coming of the book: the impact of printing, 1450–1800*. London: NLB.
- Finkelstein D and McCleery A (2005) *An introduction to book history*. New York, London: Routledge.
- Greg WW (1914) What is bibliography? *Transactions of the Bibliographical Society* 12: 39–53.
- McGann J (1991) *The textual condition*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- McKenzie DF (1969) Printers of the mind: some notes on bibliographical theories and printing-house practices. *Studies in Bibliography* 22: 1–75.
- McKenzie DF (1981) *Typography and meaning: the case of William Congreve*. Hamburg: Ernst Hauswedell.
- McKenzie DF (1999) *Bibliography and the sociology of texts*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- McKerrow RB (1927) *An introduction to bibliography for literary students*. Oxford: Clarendon Press.
- McLuhan M (1962) *The Gutenberg Galaxy: the making of typographic man*. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- Ong WJ (1982) *Orality and literacy: the technologizing of the word*. London, New York: Methuen & Co.
- Raven J (2018) *What is the history of the book?* Cambridge: Polity Press.
- Rose J (1992) Rereading the English common reader: a preface to a history of audiences. *Journal of the History of Ideas* 53 (1): 47–70.
- Werdet E (1861) *Histoire du livre en France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789*. En 4 parties. Paris: E. Dentu.
- (1983–1986) *Histoire de l'édition française*. En 4 vols. Paris: Promodis.